

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ АВТОРСКИХ ОТСТУПЛЕНИЙ В РОМАНЕ В.П. АСТАФЬЕВА “ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ”*

Аннотация: В статье рассматривается идейно-художественная роль авторских отступлений в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». Их значимость в мировоззренческом отношении, в композиционном плане бесспорна. Они придают произведению многомерность, полифоническое звучание, акцентируют внимание читателя на трагическом аспекте повествования.

Ключевые слова: автор, трагическое, произведение, роль, символ, конфликт, интерпретация.

В художественном мире произведения чрезвычайно большую роль играют отступления. Они «обогащают эмоционально-экспрессивные пределы повествования, расширяют сферу идеального, заметно уточняют авторские интенции и одновременно читательскую направленность произведения» [1: 90], воссоздают сознание автора, «где логика соседствует с чувствами и желаниями, ценностными приоритетами, волевыми устремлениями, – словом, на рассуждениях лежит печать некоего характерного «я» [1: 75].

В авторских отступлениях романа Астафьева «Прокляты и убиты» запечатлеваются все константы бытия: мир и война, жизнь и смерть, хаос и гармония, космос и земля, огонь и вода. Большинство из них носит философско-публицистический, полемический характер, при этом в них можно выделить элементы дидактики, наставления и поучения. Проникновенные строки о красоте родной земли, об истоках русского национального характера написаны в лирическом ключе. К сожалению, специальных исследований, посвящённых их анализу, в современной науке нет, хотя некоторые авторы касались этой проблемы. В этой статье поставлена задача раскрыть их роль в произведении. Если классифицировать отступления в «Проклятых и убитых», то обнаруживаются следующие тематические блоки: судьба российского крестьянства и тема земли, хлеба; проблема веры и возмездие за богоотступничество целой страны; октябрьская революция, её последствия и отношение к вождю мирового пролетариата; советская система, пожирающая человеческую личность; развал армии в стране Советов; война как проклятье, нависшее над судьбами человечества, и её ничтожные вдохновители; уничтожение русского народа.

Для Астафьева трагическое время в России началось с «оперетки под названием Октябрьская революция» [2: 111] (из письма В.В. Миронову от 19.1.92 г.). «Революция и революционеры зажгли русскую землю со всех сторон, и до сих пор она горит с запада на восток» [3: 240]. Автор-повествователь подчёркивает актуальность темы войны на сегодняшний день, ведь и сейчас на планете немало огневых точек, где во всю мощь разворачиваются военные конфликты. А зажёг революционный пожар «выродок из выродков, вылупившийся из семьи чужеродных шляпников и цареубийц» [3: 239], который принёс «бесплодие самой рожалой земле русской, погасил смиренность в сознании самого

* © Карасева Э.Л.

добродушного народа» [З: 239].

Мысль о вождах двух народов тоже звучит в одном из отступлений. Жесток и беспощаден приговор Верховному главнокомандующему, которого «надо было бить трубкой или чем потяжелее по башке» [З: 507], за то, что «невежда и вертопрах поторопился согнуть в бараний рог отечественную науку и безголово пересадил, уморил в лагерях родную химию» [З: 507], нанеся тем самым вред сельскому хозяйству, «подрывая мощь любимой армии» [З: 507]. «Его коллега по другую сторону фронта, не менее мудрый и любимый народом» [З: 507], «ефрейтор по уму и званию, прежде чем сажать и посылать в газовые камеры своих мудрых учёных, дал им возможность всласть потрудиться на оборонную промышленность» [З: 507]. Нелицеприятны суждения автора-повествователя и о легендарном полководце А.В. Суворове: «Истаскал за собою по Европе, извёл тучи русских мужиков, в Альпах их морозил, в чужих реках топил, в Оренбургских степях пугачёвский мужицкий мятеж в крови утопил и – герой на все времена» [З: 337].

Ещё в «Последнем поклоне» Астафьев писал о разрушении крестьянского образа жизни, повлекшем за собой необратимые изменения в психологии русского крестьянина. Революционный переворот явился главной причиной вырождения самого многочисленного, самого мощного класса – крестьянства. Эта же мысль прослеживается и «Проклятых и убитых»: «Какой же излом, какое уродство, какие извращения, какие чудовищные изменения произошли в человеческом сознании, когда пахарь и сеятель начал терять уважение к хлебному полю, перестал ему молиться, почитать его» [З: 239].

Значительное место в отступлениях занимает тема хлеба, хлебного поля, что символизирует родную землю, Русь – кровно связанные между собой понятия. Хлебное поле – это начало всех начал, рождение колоса – священнодействие, хлеб – святость, символ жизни на земле. В произведении звучит гимн хлебному полю: «О, поле, поле, хлебное поле, самое дивное творение человеческих рук!» [З: 238]. Но война не пощадила и русское поле, которое, разорённое и убитое, «похоже сейчас на смуту охваченную отчизну свою, захиревшую от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, от холостого разума самоуверенных вождей, так и не выростивших ни идейного, ни хлебного зерна» [З: 241], поэтому «силы небесные карают чадо Божье за самый тяжкий грех: предание огню и гибели хлеба насущного» [З: 241]. Автор использует словосочетания из православной молитвы для того, чтобы подчеркнуть важность и значимость своей мысли, усилить трагизм, лежащий в основе его убеждения. И всё же Астафьев верит в то, что «пока есть хлебное поле, пока зреют на нём колосья – жив человек и да воскреснет человеческая душа» [З: 241]. «Война временна, поле вечно» [З: 241], – заключает автор-повествователь, противопоставляя вечное и сиюминутное. На протяжении всего романа утверждается мысль, что человек приходит в этот мир для созидательной работы, вспахивать поле, растить детей, а не разрушать гармоничное устройство Божественного бытия.

Астафьев любит Россию, русский народ, русскую землю, русскую историю, что не могло не отразиться на всём художественном пространстве произведения. Одно из отступлений – воистину признание ему в любви: «Русские люди, как обнажено и незлопамятно ваше сердце! Можно рукой потрогать его под полушубком, услышать ладонью его тревожный стук, его доверчивое теп-

ло почувствовать» [3: 299]. Война истерзала человеческое сердце, посылая на него «сокрушающее зло, безумие и страх» [3: 485], и всё же «маленькое и ни в чём не виноватое, честно работающее человеческое сердце, ещё слышит, ещё внимает жизни, оно ещё способно болеть и страдать» [3: 485].

В публицистических отступлениях содержится критика советской системы, в которой «действует машина, давняя тупая машина» [3: 103], в которой «узнаваемо обозначился облик советского учителя, советского врача, советского партийного работника» [3: 153]. «Начавши борьбу за создание нового человека, советское общество несколько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина» [3: 153], «но наибольшего успеха передовое общество добилось в выведении породы, пасущейся на ниве советского правосудия» [3: 153]. Такой суд защищает систему, основу которой составляет коммунистическая идеология. Автор-повествователь негодует: забыты Божьи заповеди, среди которых: « Не судите да несудимы будете!», ибо «отменили Его в России, выгнали, оплевали и суд здесь не Божий идёт, а правый, советский, по которому выходит, что все людишки, наполняющие эту страну, всегда во всём виноваты и подсудны» [3: 155].

По мнению автора «Проклятых и убитых», изменился и облик советской армии, задача которой – «держат всех и всё в унижительном повиновении» [3: 651]. Позор советской армии – заградотряды. Заградотряд – это когда «брат брата во Христе предаёт, брат брата убивает» [3: 335]. Астафьев неоднократно подмечает, что политический строй вносил свои коррективы в структуру армии: «За фронтом тучей движется надзорное войско, строгое, умытое, сытое, с бабами, с музыкой, со своими штандартами, установками для подслушивания, пыточными инструментами, с трибуналами, следственными и другими отделами» [3: 328].

Оценка войны – магистральная тема авторских отступлений. В них чётко, рельефно проступает обезображенный «лик войны» [3: 387], «бездушная сущность её» [3: 387]. Война, «грязная тварь, состоящая из жёлтой жижи, покрытая красной пеной» [3: 387], «на человека неумолимо наползающая» [3: 387], принимает «зрячий образ» [3: 387]. Не случайно Высота Сто кишит ненасытными крысами, объевшимися человечиною. Война та же крыса, пожирающая жизнь. Не только крыса, но и вошь символизирует хаос, ад, нестерпимые муки, посланные войной: «Плесневелое, непроницаемое, опьяненное от сытости, еле ползущее облако вшей накрыло людей на клочке земли» [3: 719]. Для неблагородной твари – это «пир во время чумы», пир во время войны. По мнению Астафьева, война – ад, трагедия, независимо от того, кто погибает – русский или немецкий солдат, да и теряют они свои жизни во имя амбициозных целей вождей.

Войне, порождающей дисгармонию мира, противопоставляется совершенство природных начал, красота земли. Авторские отступления о ней в «Проклятых и убитых» – это эмоционально окрашенные суждения, описания широких пространств, это «обязательное слагаемое художественного мира» [1: 75] произведения. Они полны нескрываемого восторга, восхищённого любования: «Светлым приветом катит утро, над рекою густеет туман, белой наволочью ползёт к берегам, успокаивая реку тихим дыханием, бестелесной плотью соединяя берега, которые задумывались Создателем для единого земного мира,

но не для враждебного разъединения» [3: 382]. Приём антитезы в романе усиливает несоответствие между суетностью человеческих устремлений, войной, как одним из её проявлений и невозмутимым, величественным спокойствием природы. Если бы не война, то «всё воспринималось бы как в древней сказке с хорошим, мирным концом» [3: 265], – заключает В. Астафьев.

Лейтмотив всего произведения – проблема отношения человека к Богу. Богоотступничество целой страны – величайший грех, ведь «самый большой, самый предельный трагизм есть трагизм в отношении человека к Богу» [4: 353]. Бог задумал мир гармоничным, а человека – творцом, созидателем добрых и славных дел на земле. Пренебрежение заповедями Всевышнего, война и любое проявление вражды приносят в этот мир хаос, разрушая при этом природу и суть человеческого естества. Божье наказание неминуемо. Отсюда и название – «Прокляты и убиты». Повествователь говорит о людях, которые занимаются «избиением друг друга» [3: 470], несут «переходящее проклятие» из поколения в поколение. [3: 470]. В. Астафьев пытается отыскать ту точку отсчёта, с которой и начинается проклятие. Оно берёт начало с предательства, с «незащищённой, братьями преданной жизни» [3: 470]. Одно из отступлений – крик души, доходящий до неистовства: «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое? Зачем Ты отворотил от них Лик Свой и оставил Сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель?» [3: 393]. По мнению исследователя Т.М. Вахитовой, «образ Христа как высшая этическая идея является у Астафьева критерием жизни, исторических событий, человеческого поведения» [5: 25]. Тема Христа появляется в романе и тогда, когда автор размышляет о судьбе России. Поскольку разрушены многовековые традиции русского народа, необходимо опереться на христианские ценности. У Астафьева Бог – безусловное требование нравственного закона в каждом. За что прокляты Богом? За то, что отступили и забыли Его вследствие навязанных России революций, кровавого сталинского режима, чудовищной братоубийственной войны. Автор персонафицирует разбухшие войной в человеке слепые природные инстинкты: вражду, насилие, ненависть.

Анализ авторских отступлений в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», предпринятый в этой статье, позволяет судить о значимой роли в произведении. В них раскрывается художественная идея романа, проявляется позиция автора, его система ценностей. Трагическая скорбь, гнев, рождаемые зрелищем поруганной страны, боль, которая не проходит, память, которая не забудет, – вот движущие силы авторских отступлений, да и всего произведения в целом. Отступления акцентируют внимание читателя на трагическом аспекте произведения В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», «расширяя рамки повествования и горизонт читательского восприятия, а также непосредственно обозначая свою позицию» [1: 364]. Они придают роману многомерность, значимость, полифоническое звучание. Их значимость в композиционном плане, в идейно-художественном аспекте, мировоззренческом отношении бесспорна.

Список литературы:

1. Введение в литературоведение / Под редакцией Л.В. Чернец. – М., 2006.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 15. – Красноярск, 1998.

3. Астафьев В.П. Прокляты и убиты. – М., 2005.
4. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. – М., 1995.
5. Вахитова Т.М. Народ на войне (Взгляд Астафьева из середины 90-х. Роман «Прокляты и убиты») // Русская литература. – 1995. – № 3.

E. Karaseva

**ARTISTIC ROLE OF AUTHOR'S DEVIATIONS IN V. ASTAFIEV'S NOVEL
«CURSED AND KILLED»**

Abstract: The purpose of the article is to reveal a role of author's deviations in Astafiev's novel "Cursed and killed". The role of author's deviations is great, as the position of the author, the belles-lettres idea of the novel, it's creative will and the system of values is shown in it. Their importance in the composite plan, ideologically-art aspect, and the world outlook attitude is indisputable.

Key words: The author, tragical, product, a role, a symbol, the conflict, interpretation.